Илья Муромец и сын

От того от морюшка от синего,
От того от камешка от серого,
От той от мамки от Владимирки
Был у ей сын, маленький воробушек.
И стал он тоже поезжать от матушки,
Просится в чисто́ поле погулять.
Отпускает его мамка, наговаривает:
«Ты еси, мое чадо милое,
Не съезжайся ты со стары́м казаком Ильей Муромцем,
Он побьет тебя, молодёшенька!»
(*Он-то молодой был еще, пятнадцать лет ему было*!)
Взял Соко́лик палицу боёвую,
На право́м плече у него сидит седой голубь,
На лево́м плече сидит сизый сокол,
Впереди его бежит собака его верная.
И поехал он, простился с родной маменькой,
И выехал он во чисто́ поле.
Едет он по чисту полю,
По чисту полю, по раздольицу,
Едет он, забавляетца,
Вперед палицу помётывает,
На лету́ он палицу подхватывает,
И палице он наговаривает:
«Нож ты мой булатный,
Стрелоцка моя калёная,
Палица моя боёвая,
Не выдавайте меня во чисто́м поле,
Во чисто́м поле с неприятелем!»
Поехал он прямо на заставу богатырскую.
А было в эту пору, во времецко —
Вышел стар казак да вон на улицу,
Вышел он на свою на башню на высокую,
Взял он трубоцку подзорную,
И смотрит он во все четыре стороны:
Под восточной стеной — горы снежные,

Под западной — пого́ды великие,
А под северной — горы льденистые,
А с южной стороны он заметил
Во чистом поле неприятеля,
Неприятеля да ма́ла юноша.
Едет маленький да забавляетца,
Небылыми речами похваляетца,
Говорит он, изрецает таково́ слово́:
«Я заеду нынче в стольний Киев-град,
Святы́ иконы я сповы́калю,
Старо́го казака возьму во конюхи,
Всю заставу его сповы́убиваю».
Едет, просит споединщика.
Зашел стар казак Илья Муромец:
«Ну, ребята, — говорит он, — кого послать нынче нам?
Алешеньку, рода поповского? Не умеет он съехатьца
С Добрынюшкой во чисто́м поли́,
Потерят он свою буйну голову;
Послать Добрынюшку, роду богатого?
Так Добрынюшка — роду богатого,
Не умеет он съехатца во чисто́м поли́;
И послать мне Васильюшка — роду християнского!»
Вот собрали они Василия,
Посадили его на добра́ коня,
Посадили в седёлышко зеркальное,
Дали ему тугой лук, нож булатный, копьё долгометное.
И видели: мо́лодец в стремена вступил,
А не видели, как на коня вскочил.
Видели: в поли не пыль стоит,
Курева́ стоит, да дым столбом вали́т.
Наехали молодца во чисто́м поле:
«Што едешь, ворона распугана,
Нас, сорок бога́тырей, ницем зовешь,
Всю нашу заставу, молодец, под ноги стоптал?»
Нагони́л Васильюшку с добры́м конем,
Схватил Васильюшка за желты́ кудри,
Вытащил его из седёлышка зеркального,
На одну уко́лку дал тя́пушек,
На другую посадил ала́бушек

И посадил обратно на того коня,
Отправил Васильюшка со выслугой.
Поехал Васильюшка — не может сидеть на кони —
Едет Василий не по-старому,
Едет Василий не по-прежнему.
Встречает стар казак да Илья Муромец,
И говорит он таково́ слово́:
«Што ты, Василий, едешь не по-старому,
Что ты, сын крестьянский, не по-прежнему?
Ты не умел, видно, съехаться с молодцом во чисто́м поле.
Кого нынце послать нам поединщика?
Давай пошлем нынце Алешеньку, сына поповского».
Отправляют они Алешеньку, сына поповского,
Повыбрали Алешеньке добра́ коня,
Всю приправу молодецкую,
Всю сбрую лошадиную.
Сел Алешенька на добра́ коня,
Распростился со всема со товарищами,
Поехал во чисто́ поле.
Подъезжает опеть ко добру молодцу
И говорит молодцу таково́ слово́:
«Што ты едешь, собака ста́ра,
В цем ты едешь, похваляешься,
Из речей да вышибаешься?»
Подгонил Алешенька к добру молодцу.
Не успел Алешенька конём вернуть —
Подхватил его добрый молодец за желты́ кудри́,
Вытащил со добра́ коня,
Со добра́ коня, с седла зеркального,
По одну — дал ему тя́пышек,
По другу́ холку дал ала́бушек,
Посадил обратно на добра́ коня,
Отправил опять на заставу со выслугой.
Поехал Алешенька не по-старому,
Едет Алешенька, да не по-прежнему,
Встречат стар казак да Илья Муромец:
«Что ты едешь не по-старому,
Што ты, сын Попович, не по-прежнему?
Не умел, наверно, съехатьца с добрым молодцем во чисто́м поли.

Кого нынце нам послать да поединщиком,
Кого станем выбирать да защитника,
Защитника всему нашему народу?»
Послали они Добрынюшку, сына купеческа,
Повы́брали ему добра́ коня,
Всю сбрую лошадиную, всю приправу военную:
Дали ему копье долгометное, тугой лук, булатный нож,
Дали ему все стрелоцки калёные,
Все винтовочки заряженые.
Поехал Добрынюшка во чисто́ поле.
Во чисто́м поле да на раздольице
Наезжает быстро добрый молодец
И говорит он таково́ слово́:
«Ты куда-то едешь, куда путь держишь,
Нас, сорок богатырей, ницем зовешь?»
Он не бился с ним, на ра́тился,
Он взял дал ему тяпышек,
На другу холку дал алабушек,
Посадил его на добра́ коня,
И поехал Добрынюшка со выслугой —
Не может сидеть на добро́м коне.
И говорит нынце стар казак Илья Муромец:
«Больше неким, ребята, заменитися,
Придетца самому ехать во чисто поле
Да съезжатьца с добрым молодцом.
Мы съедимся с им — добром да не разъедимся».
Поехал стар казак да Илья Муромец.
Помолился он Господу Богу,
Заходил он да во божьи́ церквы́,
Налаживал он чудный крепкий крест.
Видели, как стар казак в стремена вступил,
А не видели — на коня вскочил,
Не пыль в поли — курева́ стоит,
Курева́ стоит, дым столбом валит.
Съезжаютца сейчас два молодца во чисто́м поли́
На добры́х своих конях да на уда́лыих.
Как подъезжат стар казак да к добру молодцу,
Отпускает от себя всех добрый молодец.
Он сымает с права́ плеча сиза голубя,

Сымает с лева́ плеча че́рна соболя,
Отпускает он всех их во чисто́ поле:
«Вы подьте от меня, мы съедимся со стары́м Ильёй Муромцем,
Нам добром с им да не разъехатьца».
Вот и съехались они и сра́зались,
Они пулями стрелялись — пули их не́ брали,
Копьями бились — копья поламалися.
Бились они тут трои суточки —
Некото́рый некото́рого не ранили.
Сбились они с добрыих коней,
Схватились они на рукопашную битьца,
Волочились они тут и билися —
У младо́го у Соколика нога тут подвихнулася,
Повихнулась у него права́ нога,
Упал он на колена с ног.
А в пору было, в то времечко,
А стар казак Илья Муромец
Сел ему да на белы́ груди́
И вытащил он булатный нож,
И замахнулся ему во белы́ груди́ —
Во плече рука у его да застоялася.
И стал он у его спрашивать:
«Уж ты молодой, юный да сын Соко́лушек,
Ты скажи мне всю правду-истину,
Ты с какой земли, какой родины,
Ты какого да отца-матери?» —
«Уж ты старая собака захлынчива,
Уж ты стар, смотри, да стар казак,
Ты не спрашивай у меня ни отца, ни матери,
Никакого у меня ни ро́ду, ни племени;
Коли сидишь на грудя́х, так коли меня».
Во второй раз замахнулся стар казак на него —
Во локти́ рука застоялася.
«Ты скажи-ка мне, христианский сын,
Ты какой земли, да какой родины,
Ты какого да отца-матери?» —
«Ты коли́ меня, когда сбил меня,
Ты не спрашивай ни роду, ни племени:
Ни отца у меня, ни матери».

Он и замахнулся во третéй накóн —
По кисти́ рука застоялася.
Он опять спрашивает:
«Уж ты ой еси, Сокóлушка,
Ты скажи мне-ко всю правду-истину,
Ты какой земли, какой родины,
Какого да отца-матери?»
Он и сказывать ему стал:
«Я от того от камешка от серого,
От той от мамки от Владимирки».
Вставал стар казак на резвы́ ноги́,
Брал его во белы́ руки́,
Целовал его в уста саха́рные,
Называл его чадом милыим:
«Ты одно у меня чадо милое.
Есть в чистóм поле стоит шелкóв шатер,
Мы поедем там, да отдохнем там».
Садились они на добры́х коней,
Поехали они к белóму шатру да белока́менну,
Поехали они во чистó поле.
Они приехали столóваньем да пирóваньем тут,
Ложились они тут с бою отдыхать,
Ложился стар казак, засыпал своим крепким сном.
А молодой этот Соколик не спит,
В худом уме всё думает.
Вышел он вон на улицу,
Поехал он ко своей маменьке.
Приезжает он к своей мамоньке.
Встречает его мамонька родимая:
Всё-то у него не по-старому, всё не по-прежнему,
Всё-то у него истрепано, всё оборвано.
И говорит ему мамонька таковó словó:
«Ты, чадо мое милое,
Ты съехался во чистóм поле со стары́м казакóм,
А старóму в поле смерть не написана».
Говорит Сокóлик таковó словó:
«Я съехался со стары́м казакóм во чистом поле,
Старый казак зовет тебя б<лядью>, меня выб<лядком>».
Говорит ему мамонька родимая:

«Не пусты́м старо́й да похваляетца».
Он ваял у матери да голову смахнул.
Когда заспал стар казак да Илья Муромец
Своим сном да богатырскиим,
Тогда забежал Со́кол во бел шатер,
Во бел шатер да в белокаменный
Со своим ножом со булатныим,
Он ткнул стара казака́ во белы́ груди́.
У старого-то казака́ был чу́дный крест,
Во крест нож-то ударился,
Разбудился стар казак да Илья Муромец,
Увидел окол себя Соко́лушка,
Говорит ему таково́ слово́:
«Уж ты что делаешь, млад Соко́лушек,
Не гово́рено было больше биться-ратитьца».
Вскочил стар казак на резвы́ ноги́,
Хватал его за желты́ кудри́,
Поднимал его выше лесу, выше тёмного,
Выше облака, выше ходяцего,
Опускал его на землю — не подхватывал, —
Опа́дывал Соко́лик, как камешек, на сыру́ землю́.
(*Так вот он его и убил.*)

(Зап. Митропольской Н. К. и Переваловой Е. И.: авг. 1942 г., д. Среднее Бугаево Усть-Цилемского р-на — от Мяндиной Елены Григорьевны, 69 лет (уроженки д. Карпушовка).)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.